

Ката Го

СВОЯ

Ката Го

Своя

«Автор»

2026

Го К.

Своя / К. Го — «Автор», 2026

Можно прожить всю жизнь, стараясь быть удобной. Терпеливой. Правильной. Выбранной. И только однажды понять, что за всеми этими попытками почти не осталось самой себя. «Своя» — роман в рассказах, где каждая история становится точкой узнавания для женщины: почему любовь так часто превращается в зависимость, почему мы боимся занимать место в собственной жизни, зачем соперничаем друг с другом вместо того, чтобы поддерживать, и как меняется человек, когда впервые перестаёт заслуживать право быть любимым. Это история Риты, которая семь лет ждёт мужчину, потерявшего память и не перестающего рисовать её лицо. История Нюрки, сумевшей превратить ревность и соперничество в дружбу и поддержку. История Лены, пытавшейся удержать любовь контролем, страхом и манипуляциями, но столкнувшейся с последствиями собственных выборов. Истории десятков женщин. Истории мужчин, которые учатся не только любить, но и нести ответственность за свои поступки.

© Го К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Память.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ката Го Своя

Глава 1. Память.

Картина называлась «Ты меня забыла».

Лена прочитала название раньше, чем поняла, что именно заставило её остановиться. Не резко. Почти физически. Как если бы кто-то изнутри схватил её за сердце и сказал: смотри. У Лены похолодели пальцы. Она смотрела на картину и вдруг поняла, что узнаёт не только место и одежду. Она узнаёт настроение того вечера. Тот воздух, в котором всё было слишком прекрасным, чтобы быть безопасным. Тот вечер, когда она нарочно уехала, оставив Риту со Львом. Тот вечер, после которого развалилась не только чужая судьба.

Зал остался где-то по краям зрения. Люди всё ещё ходили, переговаривались, тихо смеялись, наклонялись к подписям под картинами. Но для Лены всё сузилось до одного холста, одного заката, одной тонкой женской фигуры, стоящей спиной к зрителю так, будто сама живопись не могла вынести её лица.

В зале было сухо, светло, дорого. Осень в Столице стояла ясная, чуть золотистая, будто солнце устало от лета, но всё ещё не хотело уходить. Свет лежал на фасадах домов и на людях тонкими медовыми полосами, и даже город в этот день казался не таким тяжёлым, как обычно. Словно и он сам ждал какого-то разрешения.

Лена пришла на выставку одна.

Лев остался с детьми. Третий ребёнок простыл, старшая спорила с гувернанткой из-за уроков музыки, средний потерял кроссовок для тренировки, и дом с утра шумел, как вокзал. Лена ускользнула из него почти с наслаждением, в дорогом пальто цвета тёмной вишни, с тонким золотым браслетом на запястье и тем выражением лица, которое за годы научилась надевать на любые светские мероприятия: лёгкий интерес, чуть заметная скука, безупречная собранность.

Имя художника ей ничего не сказало.

Её привлекла сама выставка. О ней слишком много говорили. Молодой, уже очень дорогой художник. Морские полотна, от которых у коллекционеров сжимается сердце. Портреты, в которых люди узнают себя точнее, чем в зеркале. Какая-то странная, почти гипнотическая глубина цвета. Море на них не было декоративным. Оно дышало. Сосны не стояли, а слушали. Свет не ложился на поверхности, а как будто исходил изнутри холста, словно художник писал не предметы, а их тайную жизнь.

Лена стояла с приоткрытым ртом без малейшего движения уже минут двадцать. На большом полотне была изображена дача Льва. Загородный дом на высоком пригорке. Справа тёмной стеной стоял сосновый лес, слева изгибалась река, уходящая в дымчатую даль, а внизу сверкал пирс, тёплый, янтарный от заходящего солнца. Огромные окна гостиной делали дом похожим на стеклянный корабль, плывущий по золотому морю заката. У круглого чана для костра тонко проступали силуэты оленей.

Всё было написано не просто точно. Узнаваемо до боли.

Девушка на переднем плане несомненно Рита. Та стояла на террасе боком к зрителю, смотрела на реку и чуть придерживала рукой волосы, которые трогал ветер. На ней были вещи, которые Лена узнала сразу, с той холодной и безошибочной ясностью, с какой узнают собственный давний грех.

Лиловый кардиган в пол, словно царская мантия. Тонкий зелёный платок. Светлая одежда, которую невозможно было забыть. Это были подарки Сани. Те самые. Из того чемо-

дана. Для Риты. Когда ей было восемнадцать. Когда она поступала. Когда всё ещё, возможно, можно было спасти.

Это невозможно было написать случайно.

Ни по чужому рассказу. Ни по фотографии. Так пишут только то, что живёт в человеке под кожей.

Лена вспомнила, как потом, много лет назад, показывала Сане запись с камер наблюдения. Как спешила. Как дёргала нитки, думая, что управляет узором. Как он смотрел на экран. Как потом ушёл. Как исчез.

Картина дышала перед ней, как живая рана.

Лена резко повернулась к девушке-администратору.

— Где художник?

Та растерялась от её тона.

— Он... в малом зале, но сейчас...

— Мне нужно с ним поговорить. Немедленно.

Она уже шла, почти не слыша, что ей отвечают.

Саня стоял у окна спиной к залу.

Теперь его звали иначе. За эти годы имя, данное Петром, сначала было домашним, потом стало псевдонимом, потом почти отдельной судьбой. Он научился не вздрагивать, когда люди спрашивали о прошлом. Научился жить с пустотой в голове как с комнатой, дверь в которую заклинило. За годы он вспомнил многое: рисунок подъезда с зелёными стенами, вкус чая с малиной, белую рубашку, университетские лестницы, шум города, чей-то смех. Но прошлое так и не сложилось в единую ткань. Оно приходило вспышками, отдельными мазками, как если бы память сама боялась увидеть всю картину разом.

Он часто ловил себя на том, что Столица причиняет ему странную боль. Не как чужое место, а как родное, забытое слишком грубо. Он ходил по улицам и иногда внезапно замирал: вот здесь он, кажется, уже стоял. Вот этот поворот что-то знает. Вот в этом дворе... пустота начинала пульсировать, но не открывалась.

Лена остановилась в двух шагах от него.

— Это ты написал картину с рекой и дачей?

Он обернулся.

На его лице не было узнавания.

Только вежливое недоумение.

— Да.

Лена вгляделась в него внимательнее. Тот же рост. Те же руки. Та же посадка головы. Только взгляд другой. Как будто море промыло из него весь остальной мир и оставило тишину.

— Ты меня узнаёшь?

Он присмотрелся. Нахмурился. На секунду в глазах мелькнуло усилие, будто он пытался поймать ускользающую нить.

— Простите... нет.

Лена медленно выдохнула.

— Хорошо, — сказала она чужим для самой себя голосом. — Тогда, может быть, узнаешь её.

Она достала телефон и открыла фотографию.

Не новую.

Старую.

Рита в том самом зелёном платке, с распущенными волосами, смеётся, прищурившись от солнца.

Саня посмотрел.

И пошатнулся.

Это было не театрально. Не резко. После старой черепно-мозговой травмы его тело иногда первым понимало то, чего не успевал понять разум. Он схватился за спинку стула, будто пол на секунду ушёл из-под ног. Лицо побледнело. Дыхание стало сбивчивым.

Перед ним вспыхнуло сразу несколько картин.

Золотистые волосы на ветру.

Зелёные глаза.

Смех на платформе.

Белая блузка.

Тёплая ладонь.

Свет.

Письмо.

Чьё-то тихое: «Я тебя прощаю».

Потом резкая боль в затылке.

Как всегда бывало, когда память пыталась пройти через старый шрам.

Он закрыл глаза.

— Кто это?..

Но спросил так, будто уже знал.

Лена села напротив, впервые за много лет не играя ни одной роли.

— Это Рита.

Он открыл глаза.

Имя ударило в грудь изнутри.

— Рита... — повторил он медленно.

На столике рядом уже стояла вода, но он не взял её.

— Я... — он провёл рукой по лицу. — Когда приехал в Столицу, понял, что точно жил здесь. И, кажется... учился. Я это почувствовал сразу. В метро. На лестницах. На перекрёстках. Но всё было как за стеклом.

Он говорил тихо, словно боялся распугать собственные воспоминания.

— А эту картину... я не выдумал. Я никогда там не был... сознательно. Но когда писал, знал, где река, где лес, как закат ложится на пол. Знал, как выглядит пирс. И знал... её.

Он снова посмотрел на фото.

— Я не помню. Но я знаю её.

Лена закрыла глаза на секунду. Ей хотелось заплакать, но слёзы пришли позже. Сейчас было только одно: срочность.

— Поехали.

Он поднял на неё растерянный взгляд.

— Куда?

— К ней.

— Сейчас?

— Сейчас, — повторила Лена уже жёстче. — Пока память не спряталась обратно. Пока ты не передумал. Пока судьба не решила ещё раз поиздеваться над нами.

Он встал не сразу. Медленно. Осторожно. Как человек, который боится, что при резком движении внутри снова всё смешается.

— Она здесь?

— В Столице. Да.

— Чем занимается?

Лена усмехнулась сквозь подступающие слёзы.

— Спасает женщин. Как всегда спасала всех, кроме себя.

Они ехали быстро.

Машина проскальзывала между вечерними улицами, а город вокруг был таким же, каким Саня его не помнил и всё же узнавал. Вот этот проспект. Вот эта арка. Вот поворот, от которого почему-то становится тесно в груди. Воспоминания приходили не целыми сценами, а телесными вспышками. Запах мокрого асфальта. Чьё-то имя, не доходящее до языка. Линия плеч. Зелёная дверь. Пятый этаж.

Он молчал.

Лена тоже.

Впервые за много лет между ними не было ни игры, ни борьбы. Только страшное, почти нечеловеческое чувство, что они едут не просто по городу, а сквозь время, которое наконец перестало кружить на месте и выбрало направление.

— У неё сейчас круг, — сказала Лена, не отрывая взгляда от дороги. — Женский. В фонде.

— Круг?..

— Да. Потом поймёшь.

В фонде было тихо.

Женщины сидели полукругом, свечи мягко догорали, в воздухе стоял запах травяного чая и воска. Рита говорила спокойно, с той глубиной, которая рождается не из книг, а из пережитой боли.

— Иногда нам кажется, что мы должны заслужить право на поддержку, — говорила она. — Но это и есть самая большая ловушка. Жизнь не премия за правильность. Любовь тоже...

И в этот момент дверь открылась.

Не резко.

Почти беззвучно.

Но звук был таким, будто кто-то повернул ключ в очень старом замке.

Рита подняла глаза.

И весь мир сузился до одного силуэта.

Саня стоял в проёме, как человек, вышедший из другого измерения. Взрослее. Тише. Худее. Красивый той странной, обожжённой красотой, которая бывает у людей, переживших слишком многое и не превратившихся в камень.

Свет из коридора очертил его плечи.

Он тоже увидел её.

Не вспомнил.

Но узнал.

Это было видно сразу.

Как если бы сердце оказалось древнее памяти.

У Риты задрожали губы.

— Саня...

Это прозвучало так тихо, что некоторые женщины не сразу поняли, что она сказала.

Он сделал один шаг внутрь.

И опустился на колени.

Не красиво. Не символически. Просто ноги не выдержали того, что поднималось в нём одновременно: боль, узнавание, любовь, страх, вина без адреса, свет.

Рита поднялась так резко, что подушка соскользнула на пол.

Слёзы сорвались прежде, чем она успела вдохнуть.

Не как слабость.

Как вода, которая слишком долго стояла за плотиной.

Женщины в круге замерли.

Дина медленно опустила глаза, будто не желая мешать святому.

Рита подошла к нему медленно. Как к чуду, которое боишься спугнуть. Опустилась перед ним на колени. Коснулась его лица обеими руками.

Он смотрел на неё снизу вверх, растерянный и потрясённый, как человек, который одновременно нашёл дорогу домой и не помнит, как называется дом.

— Я... — голос у него сорвался. — Я не помню...

Слёзы стояли и у него в глазах.

— Но я знаю, что это ты.

Рита заплакала ещё сильнее и засмеялась сквозь слёзы.

— Это я, — прошептала она. — Это я.

И осень за окнами, казалось, тоже выдохнула.

Потому что иногда даже времени приходится уступить, когда две потерянные половины памяти наконец находят друг друга не умом, а светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.